

Андрей Иванов

БАБУЛЯ И АНГЕЛЫ

Рассказы о самых светлых людях
и их тенях

Андрей Иванов

**Бабуля и Ангелы. Рассказы
о самых светлых людях и их тенях**

«Издательские решения»

Иванов А.

Бабуля и Ангелы. Рассказы о самых светлых людях и их тенях /
А. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745997-0

Это был совершенно необыкновенный человек, обладавший абсолютно редким качеством: она никогда не умела делить людей по принципу «свой-чужой». Чужих для неё просто не существовало.

ISBN 978-5-44-745997-0

© Иванов А.
© Издательские решения

Содержание

БАБУЛЯ	6
Богом целованные	16
Если б я был Богом	19
Одинокое сердце стучит	23
Подарок к празднику	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Бабуля и Ангелы
Рассказы о самых
светлых людях и их тенях

Андрей Иванов

© Андрей Иванов, 2017

ISBN 978-5-4474-5997-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАБУЛЯ Женская доля

Рассказ о самом светлом человеке. Посвящаю моей самой дорогой, навеки горячо любимой, родной бабушке Вале. Храни её, Господь.

Валентина Дмитриевна Колесникова, моя бабушка

Её матери, русской оперной певице, пришлось отдать трёх своих дочерей на попечение в Императорский детский сиротский Дом Санкт-Петербурга ещё при Великом Императоре Николае Втором. В 1913 году.

Так вышло, что певице нужно было срочно уезжать на гастроли за границу. А маленькие дети были бы там без должного воспитания и попечения. Оставить в России их было просто не с кем.

Так трёхлетняя Валечка оказалась в детском сиротском Доме, который находился под патронажем самой Великой Светлой Императрицы. Высочайшая особа сама часто с царственной свитой приезжала в приют навестить воспитанниц, непременно весьма тщательно следила

за порядком в сиротском Доме и питанием девочек. Ну, и конечно, подарками дети обделены не были. Особенно в православные праздники.

Полный пансион плюс строгая и чопорная воспитательница фрау Марта. Фрау Марта была чистокровной немкой. Со своими национальными обычаями и привычками. Например, бабушка рассказывала мне со смехом, как обычно за столом в трапезной приюта сидят дети, обедают. За их спиной важно прохаживается фрау Марта и поучительно приговаривает:

– Кушайте хорошо, детки. Это вам Бог послал и Государыня. Если захотите пукнуть, пукайте. Газы держать в себе это не есть хорошо и даже вредно для здоровья.

Светское образование и духовное воспитание в Императорском сиротском Доме было на благочестивой высоте. Лучшие учителя, лучшая библиотека. Танцевальный и спортивный залы. Несколько иностранных языков, музыка, сольфеджио, обучение танцам, благопристойным манерам с самых ранних лет. Так проходило приютское детство моей бабушки.

Потом случилась неразбериха, смута, октябрьский переворот, революция. Императорский сиротский Дом, конечно, закрыли. Фрау Марту арестовали.

Подросшие дети поступили кто куда. Кто учиться, кто работать. Раскидало их смутное время. Сестры разъехались по всем концам огромной Империи. Одна во Львов, вторая в Тирасполь, третья на Дальний Восток. Валечка окончила какие-то женские рабочие курсы и завербовалась на Дальний Восток. Там всегда требовались рабочие руки для обработки рыбы.

Она работала на рыбозаводе во Владивостоке, там и познакомилась с будущим мужем.

Мой дед Алексей Григорьевич был моряком. Работал на флоте. Добывал в бескрайних просторах Тихого океана себе заработок на рыболовецком судне.

Ещё он был непоседой. Менял суда, переходил из одной команды в другую. Искал себе лучшую долю.

Вот так однажды они и познакомились. Он отдыхал на берегу после очередного плавания. Зашел в местный морской Дом Культуры на танцы. А тут и Валечка.

Поженились. Через год родилась моя мама, Адель. Во Владивостоке. Вале было уже 29 лет. Это был первый ребёнок.

Потом война. Сумбур, разруха. Голод. Работа на рыбозаводе с утра и до полного изнеможения. Без праздников и выходных. Фронту нужны были консервы, и рыбообработчики работали не жалея себя.

Потом Победа и начались странствия семьи Колесниковых. Тут всю и развернулся непоседливый характер деда. К тому времени родились ещё двое. Мой дядя Валера и тётя Лариса.

Несмотря на наличие малолетних детей в семье, дед любил срываться с насиженного места и куда-нибудь ехать.

Обычно это происходило неожиданно. Все работают, дети ходят в садик и ясли. Приходит с работы дед и говорит жене Валентине:

– Собирай детей. Мы уезжаем.

Куда уезжаем никто толком не знал. Собирались наспех вещи, увольнялись с работы. Брались билеты на поезд и в путь!

Из-за вечной нехватки денег билеты брались самые дешевые. В общий сидячий вагон. Поезд часто останавливался на полустанках и подолгу стоял. Ехали столько, насколько хватало денег на дорогу и на продукты. Потом дед внезапно командовал:

– Выходим!

Семья с тремя маленькими детьми спешно выгружалась из вагона на вокзал и сидела на чемоданах. Валя раскладывала на полу вещи, так, чтобы уложить детей спать. А дед убежал куда то в незнакомый посёлок...

Возвращался к вечеру и говорил, что завербовался на какую то новую работу. Мол, договорился насчёт временного жилья.

В тесноте, да лишь бы не в обиде. На какое то время всё налаживалось, обживалось. Дети устраивались в садик, моя мама в школу. Опять все работали и жизнь приходила в норму. Но ненадолго.

Через некоторое время всё повторялось. Приходил с работы дед. Говорил, что уволился и получил расчёт. И нужно опять куда то ехать.

Однажды решили ехать к сёстрам Вали. Во Львов. Денег немного скопили на дорогу. Дети слегка подросли. Сорвались с места, бросили дом и поехали.

Сестра моей бабушки жила во Львове очень бедно и неустроено. Замуж так и не вышла. Детей не имела. К тому же, она стала инвалидом по зрению и за ней нужен был уход. Валентина устроилась на работу. Вечерами ухаживала за сестрой и детьми. Даже в обед прибегала с работы, чтобы накормить и проследить за всем в доме. Ютились все в одной комнате 15 метров.

Деду дома всё не нравилось, начал выпивать, скандалить, обижать жену и её сестру. Но на работу не прогуливал. Детей пока не трогал. Каждый вечер приносил с работы шоколадку или конфеты.

Однажды пришёл вечером с работы злой и угрюмый. Не скандалил, а сразу лёг спать. Утром сказал, что нужно уезжать обратно на Дальний Восток. Мотивировал он тем, что на Сахалине теперь хорошие заработки. Мол, сестра Вали не пропадёт и без них.

Валентина Дмитриевна опять промолчала. Взяли билеты в общий вагон. Ехать почти 10 суток. Жара. Вонь. Скученность. Денег еле хватает на продукты и чай.. В туалет вечная очередь. Поезд еле ползёт или стоит подолгу на каждом полустанке. В вагонах воруют даже самые никчёмные вещи. Тогда бабушка сказала деду:

– Знаешь, Алексей. Это наше последнее странствие. Дёргать детей я больше не дам. Приедем на Сахалин и там осядем.

Поезд прибыл на конечную станцию материка Советская Гавань, где паромная переправа с материка на остров Сахалин. Материк тут заканчивался и начинался Тихий океан. Край Света.

Все были унылы, вымотаны, дети простывшие и уставшие от долгой дороги. А ещё нужно было 12 часов плыть на пароме. Да и дальше ждала полная туманов неизвестность. И такой же туманный остров, похожий на гигантскую рыбу в Тихом Океане.

На пути к острову паром настиг шторм. Люди сидели в каютах, кто мог. Кто не мог, тех рвало на палубе. Пришвартоваться к берегу в такую бурю никакой возможности не представлялось. Это было бы слишком опасно. Болтанка в море продолжалась около суток вместо 12 часов.

Взрослые легче переносили качку. Детей рвало и полоскало каждые несколько минут. Выворачивало наизнанку в духоте каюты. Бледные, пожелтевшие, измождённые, покачиваясь от бессилия, вышли на берег острова в порту Холмска. Что дальше делать и куда деваться никто не знал. Родственников, друзей и даже просто знакомых тут не было. Деньги кончились. Океан и туманы. Остров Сахалин. Край мира...

Дед попытался устроиться на работу прямо здесь, в порту, но его не взяли. Тогда Валя расстелила пожитки на морском вокзале и уложила обессиленных от качки детей спать. А сама с мужем начала перебирать вещи, чтобы выбрать что то на продажу.

Дед Алексей Григорьевич отнёс вещи на рынок и с трудом продал, буквально за копейки. Этого хватило лишь на то, чтобы снова купить билет на поезд и отправиться в далёкий рыбацкий колхоз на заработки вглубь острова.

Прибыли в город Чехов. Здесь нашлась работа и временное жильё в ветхом деревянном бараке. Дети пошли в школу. Родилось ещё двое, тётя Мила и дядя Олег. Семьи тогда у всех были большие. Пятеро детей никого не удивляло, были семьи и поболее. Пока бабушка сидела с детьми, дед работал в плавании на рыболовецком судне в море. И летом и зимой. Месяцами его не бывало дома, и Валентина Дмитриевна выкручивалась, как могла, чтобы прокормить себя и детей.

Затем приходил с рейса дед. На берегу начинал гулять, пить, бедокурить. Пропивать заработанные таким жутким трудом деньги. Однажды поднял руку на бабушку. Она простила его. Но это начало повторяться. Тогда она пошла в администрацию города и попросила дать ей с детьми отдельное от мужа жильё. К тому времени бабушка была уже очень уважаемым человеком в маленьком рыбацком городке. Работала бухгалтером. Брала работу на дом. Трудилась честно и не покладая рук, чтобы прокормить семью. Никогда не сидела без дела. Пятеро детей и всё одна. Одна...

Жильё ей дали. Отдельную двухкомнатную квартиру в каменном доме с печным отоплением в центре городка. Это было просто чудо. Вот тогда семья зажила относительно спокойно размеренно. Алименты дед платить не собирался. Только подвыпивший частенько приходил в наш дом, просил Валентину Дмитриевну вернуться и жить вместе. Бабушка уже столько натерпелась, столько прощала его выходки, что ни сил, ни желания для совместной жизни не осталось. Дети подросли. Моя мама вышла замуж. Она была старшей дочерью в семье. Родился я.

Меня легко поймут особенно те мои читатели, которые жили в частном доме, и знают, что такое тепло русской печки. Такое домашнее, родное, уютное тепло согревающее не только тело, но и саму душу. Такое тепло обычные батареи дать не могут.

Вот такой покой, уют и душевное тепло всегда исходило от моей бабули. К ней всегда тянулись самые разные люди, соседи, коллеги по работе, просто знакомые. К ней шли поговорить, рассказать о своих несчастьях и горестях. Она всегда чудесным образом находила для каждого свои особенные согревающие и утешающие слова. Помогала и словом и делом. Её

любили и уважали все жители нашего маленького городка. Она имела особый дар стать для всех родной и близкой.

Никогда не унывала. Я вырос в этом доме. помню, сколько добра и заботы было о каждом в нашей большой семье. На крупные покупки собирали все вместе, копили мне на пальто и велосипед. Каждый уже работал и нёс все свои деньги в общий семейный котёл. Жили небогато, но никому не отказывали из друзей и соседей. Если те просили займы.

Я ни в чём не нуждался. Вокруг бабули всегда была тихая, спокойная и надёжная радость. Моя мама уехала на материк после смерти моего отца. Поступила учиться в институт в Новосибирске. Я остался с бабушкой на острове. Мне тогда было 2 года. И я стал как бы самым младшим ребёнком в большой дружной семье. Шестым. Именно не внуком, а полноценным общим ребёнком.

Постепенно я стал любимым ребёнком в семье. Самым маленьким. Меня, конечно, баловали. Плюс посылки с материка от мамы. Мама часто присылала мне хорошие детские книги и курурузные палочки в больших коробках. Такого на острове не было.

Фото автора. Мне здесь 5 лет. На утреннике в детском саду «Ёлочка», город Чехов, остров Сахалин. 1968 год.

Придѣшь, бывало, со школы, глядь, а ботинок уже нет. Вымыты, начищены, стоят, на печке сушатся. Бабуля всё делала незаметно.

Тѣтки мои даже бурчали за это на бабулю.

– Разбалуешь ты его. Обленится. Сам бы к порядку приучался.

Думаю, они были правы. Но бабуля меня так искренне любила. Больше всех. Ведь бывает часто, что внуков любят больше собственных детей.

И вообще, она была совершенно необыкновенная женщина. Столько натерпевшись в жизни от мужа, не озлобилась, не замкнулась в себе, веру в людей не потеряла. А напротив, всегда сама других утешала, и помогала, чем могла. Словом и делом согревала.

Только благодаря её поддержке я закончил колледж и два института. Мне всё часто надо-едало, и без её уговоров бросил бы быстро учёбу.

У бабы Вали была одна совершенно необыкновенная и очень редкая черта. Она никогда не умела делить людей по принципу «Свой» – «Чужой». Чужих для неё вообще не существовало.

К примеру, соседи или знакомые могли абсолютно спокойно попросить её приглядеть за детьми, а сами куда-нибудь отлучиться на весь день.

Возвращаются поздним вечером, а дети мирно спят. Сытые, довольные, наигравшись за день. И ещё, пока соседей не было дома, бабуля успела им и ужин приготовить. Так было всегда и во всём, чего касалась бабушка.

Не помню, чтобы в нашем доме когда-нибудь были ссоры или даже просто серьёзные споры между родными в семье. Никаких разногласий. Тихая, размеренная, спокойная и очень уютная жизнь.

Первый раз в первый класс. Фото автора.

После ухода от мужа бабушка больше замуж не вышла, полностью посвятив себя детям и внукам. Хотя желающих на её руку и сердце в городе было немало.

Она редко бывала одна. Стоило ей выйти на улицу и сразу подходили знакомые, соседи, друзья. Всем хотелось поговорить с ней, спросить совета или просто поболтать на любую тему. Всех выслушивала с приветливой улыбкой и уважением. Какие то невероятной силы волны тепла и доброты исходили от неё. Люди это сразу чувствовали и уже никогда не забывали её душевный свет.

Ещё бабуля очень любила писать и получать письма. Бывало, получит письмо от моей мамы из Новосибирска, радуется, как дитя. Прочитает сначала сама. Потом вечером придут все с работы, она соберёт всю семью за ужином, и опять прочитает письмо при всех вслух. И улыбается, счастливая. За дочь радуется. Затем срочно идёт писать ответ. И пишет полночи.

Вот так мы и жили. Мирно, размеренно, дружно и спокойно.

Прожила бабуля свою долгую жизнь честно, всегда трудясь, не покладая рук. Долгих 86 лет. Религиозной не была. Но под старость, когда ей было уже за 70, полюбила слушать христианское радио. Церквей в нашем городке тогда не было. Партия ведь упорно вела страну к коммунизму.

Бывало, включит вечерком радио Филиппин и слушает о Христе. Растрогается, плачет и умиляется. Меня в детстве не крестили, да, думаю, и никого из моих родных тоже.

Но прожила бабуля и без заповедей библейских честно, праведно и по совести.

До самой смерти сама себя обслуживала, и ещё умудрялась детям, внукам и правнукам помогать. Ни разу даже слова дурного о ней и от неё не слышал.

Я жил уже второй год в монастыре, когда получил с Сахалина письмо о смерти бабушки Вали моей. Там рассказывалось, как именно она умирала. Так тихо и мирно...

Утром, как обычно, встала с постели. Села в кресло. Глубоко вздохнула, прикрыла глаза и ушла в мир иной.

Такая спокойная, без трагедий и болезней добрая смерть... Сам Господь, видимо, взял её добрую Душу себе на руки и поселил рядом с собой.

Провожал в последний путь её весь город. Люди как-то сами узнавали об уходе бабы Вали. Процессия растянулась почти на километр. Администрация города взяла на себя все расходы по организации похорон и поминок. Был городской духовой оркестр, море цветов и венков. Люди отдавали дань благодарности близкому и дорогому для всех человеку.

Храни тебя Господь, моя милая, бесценная и любимая бабуленька. Я твой внук и навеки родной, помнящий тебя человек...

Поклонный крест на кладбище. Фото из личного архива автора

Когда писал этот новый рассказ о бабуле, мне очень растрогали душу эти светлые воспоминания моего детства и юности.

И вдруг подумалось... А, может быть, и мои дорогие читатели прочитав это, вспомнят добрым словом своих живых или уже ушедших стареньких матерей и бабушек. Возьмут и позвонят им сейчас, если те живы. Или помянут уже ушедших за семейным столом, и в церкви свечечку поставят с молитвой родным за упокой.

Свою бабулю я очень любил и при её жизни, и сейчас не меньше люблю. Чего и вашим родным искренне желаю. Лучше бы, конечно, успеть ценить и благодарить их при жизни. Чтобы потом, у оградки кладбища, нам стыдно не было... И чтобы не стало уже слишком поздно... Лучше успеть при жизни...

АВИ 2016

Богом целованные Новелла о божьих людях-ангелах

ПОСВЯЩАЮ ЛЮДЯМ ОСОБЕННЫМ И ПРЕКРАСНЫМ

С детства заметил в себе одну необычную черту характера. Во мне всегда вызывали какой-то особенный интерес и душевный трепет люди с физическими и психическими отклонениями.

Инвалиды, люди с детским церебральным параличом, с синдромом Дауна, хромые, глухонемые, заики, умственно-отсталые, аутисты. Их часто недолюбливали сверстники, насмехались, обижали, презирали по-детски жестоко.

Как это объяснить, не знаю. Но, от таких людей я чувствовал, кроме обычной жалости и человеческого искреннего сострадания к ним, ещё и какой-то особенный приятный покой, лёгкость и радость. Ощущал какую-то их бесхитрость, простоту, чистоту их больной души и тела. Но, тогда я не понимал, что это за чувства. Обижать и презирать инвалидов я бы никогда даже не смог. Я, наоборот, тянулся к ним, таким странным и одиноким.

Например, в раннем детстве я дружил с Костей. Он был несколько умственно-отсталый. Заторможенный. Над ним смеялись ребята, крутили пальцем у виска, никто с ним не играл и не дружил. Дети дразнили его дураком и идиотом. Но, мне почему-то было очень светло рядом с этим добрым и простоватым парнишкой. Очень спокойно и хорошо. Только повзрослев, я смог понять эти чувства и разобраться в себе.

Мы мало разговаривали. Просто иногда ходили попрыгать по складу брёвен на старом бумажном комбинате. Бегали там. Прятались, смеялись. Бумажный комбинат в Чехове – это такое волшебное место, где древесину перерабатывают в рулоны бумаги. Там были огромные, просто гигантские залежи леса.

Место, конечно, особенное для детских игр и прогулок. Загадочно-необыкновенное. Какая-то тайна жила во всех этих закоулках, в огромных, массивных залежах деревьев. В норах между стволов, в сумерках сваленных сосен и пихт. Особенный живой запах древесины, смолы, опилок, стружки. Мы прыгаем по горам из разных стволов. Находимся будто на далёкой безлюдной планете.

Костя часто смущался и улыбался без причины. Мне нравилось слушать его восторженные рассказы хоть о чём. Рассказывал он как то наивно, несколько глуповато, не по возрасту. Он был мой сверстник, но выше, сильнее меня физически. А я был такой худенький и слабый.

Но, так приятен был его тихий голос. Простоватый, спокойный, и всегда очень, очень добрый. Я ощущал с ним тихое равновесие, безопасность. А, может быть, уже тогда в детстве,

какое то неосознанное своё превосходство. Но этим превосходством никогда не воспользовался. А

Наоборот, всегда поддерживал, защищал Костю от насмешек и злых шалостей и грубостей дворовых ребят.

Ещё мы с ним любили просто гулять по берегу моря. В любую погоду. Плеск прибрежных волн, свежий ветерок Татарского пролива. Отвесные строгие скалы ближних сопок. Неспешная ходьба. Сидим у костерка с приятным дымом, кидаем камешки в воду. Чайки кричат. Пахнет океаном, простором и свободой. Вдалеке небо дружит с морем. Горизонт. Над ним красное солнце.

Под ногами песок с камнями, ракушки, обтёсанные морской водой деревяшки. Очень много засохшей и свежей морской капусты. Я любил больше слушать, чем говорить. Особенно великолепно было в шторм, бурю...

Море кипело, кричало, рычало, булькало. В небе тоже грохот и хаос. В душе от этой стихии возникал торжественный восторг. Не было страшно. Наоборот, приходил странный покой в душе.

Интересное дело, но рядом с такими особенными людьми у меня от макушки до копчика ощущались волны приятных мурашек. Будто какая-то очень добрая и чистая энергия исходила от них.

И я совсем замолкал и просто наслаждался. Будто Ангел Небесный был рядом со мной при этих людях. Я чувствовал рядом не только оболочку обычного больного человека, а именно присутствие в нём чего-то чистого, светлого и таинственного. Доброга и божественного.

Потом, уже во взрослой жизни, я заметил, что это всегда так происходит со мной и до сих пор. Порой вижу в церкви, в больнице, в транспорте или просто на улице маленького или взрослого человека с синдромом Дауна.

И часто ощущаю что-то необыкновенное. Но такое приятное и тихое. Тёплое и спокойное блаженство. Радостное присутствие Живого Ангела. В этих людях. Целованных Богом. Они светлые, безгрешные и очень-очень простые.

Расскажу ещё один случай.

После университета я работал в маленькой заводской газетке. Называлась она «Новатор». Сначала работал простым журналистом. Затем ответственным секретарём. Потом уже редактором.

И был у нас в редакции один всеобщий любимец. Он не работал в штате газеты. Просто часто заходил поболтать, попить кофейку, приносил рисунки, юмористические картинки, которые рисовал и придумывал сам. А мы их ставили в номер. И никогда ему не отказывали. Потому, что рисунки его всегда были смешные и очень добрые.

Назовём его Олег. Он был обычный инженер в конструкторском бюро нашего завода. Лет 35 примерно.

Так вот. Стоило Олегу зайти в комнату редакции, даже не успев сказать ни слова, он производил своим появлением какую то удивительную метаморфозу в моей душе. Сначала от макушки головы по спине до самого копчика волнами накрывали мурашки.

Становилось блаженно, умиротворённо и, даже, если я был очень утомлённый от журналистской работы, написания статей в номер, усталость ума сразу проходила, приходила свежесть восприятия и тихая радость.

Тембр голоса у Олега глубокий, внутренний, бархатистый, завораживающий такой бари́тон, какой обычно обожают многие женщины. Но не только его голос обволакивал меня блаженством. А эта добрая, необычно сильная аура человека. Его поле, энергетика, такая чистая, добрая, приятная, спокойная, гармоничная и светлая.

У Олега был низкий рост и большой горб на спине с рождения. Ходил он как то не совсем прямо, а немного как бы боком.

Особенно трудно ему было подниматься без лифта к нам на пятый этаж. Но заходил он часто. Приносил не только свои юморные рисунки, но и конфетки девчонкам в редакции, пирожные и шоколадки от души.

При этом лицо всегда выражало детское, тёплое благодушие и светлое улыбчивое расположение ко всем, окружающим его людям.

У нас в редакции его все просто обожали. От фотографа, до редактора. Я любил с ним курить и разговаривать в перерыве на обед. Потом я понял, что если человек лишен чего-то в одном, то Господь обязательно компенсирует этот недостаток в чём-то другом. Справедливое такое Божественное равновесие.

Конечно, не спору, бывают и озлобленные на весь мир, обиженные, жалкие и не очень добрые инвалиды. Но, основная масса людей с физическими, психическими или эмоциональными отклонениями – это Богом целованные люди.

Светлые, Добрые, Простые, Незлобивые, немного грустные и тихие, но по сути своей душевные и сердечные. Я имею право ошибаться.

Только мой опыт подсказывает, что Господь именно с теми и в тех, кто много страдал, был чего то лишён, здоровья, полноценности или ума, и остался при этом добрым человеком...

Да, если честно, не кривя душой, сказать о себе. То я и сам, хоть и не инвалид, но тоже далеко не совсем нормальный эмоционально. Какой-то как бы подранок, что ли, неприспособленный, наивный, доверчивый. Может поэтому мне и хорошо с такими же...

Положа руку на сердце, добавлю, мне с слишком правильными, очень нормальными, успешными и продвинутыми умственно и материально людьми немного скучновато, что ли...

Не знаю, о чём с ними говорить. О деньгах? О проблемах? О карьере? А зачем?

Над нами одно небо, одно солнце. Воздух в наших лёгких один. Бог у нас такой родной и вечный. Один на всех. Я радостный и благодарный. У меня для счастья уже всё есть. Вот, такой вот я большой, взрослый, по-детски счастливый балбес...

АВИ 2016

Если б я был Богом Фантазии Живых Богов

– Ну теперь ты. – Нетерпеливо, в предвкушении умственного удовольствия, Лысый потёр ладони и приготовился слушать.

– Если бы я был Богом, – Спокойно и задумчиво начал говорить Романов. – Первым делом приготовил тазик тёплой воды, какой-нибудь самый ароматный шампунь и белоснежную мочалку средней жёсткости.

– И что? Кого ты драить то собрался, псих? – Встрял в монолог Абрек. Он оторвал свои, почти всегда пустые, холодные и равнодушные глаза от разглядывания ногтей на ногах и уставился на Романова.

– Взял бы нашу планету в руки и начал отмывать. – Медленно и негромко, но очень уверенно проговорил Романов. – Мыл бы её долго и тщательно. Крутил бы шарик в своих мягких и тёплых ладонях. Шоркал бы мочалкой с пеной до чистого скрипа. Из каждого закоулочка, из каждой дырки всю грязь бы повыворачивал. Потом менял бы воду несколько раз и полоскал шарик до полной ослепительной чистоты, чтобы благоухала ароматом шампуня и сияла, как новенькая медаль.

– Это я даже очень легко могу представить, – вступил в беседу Лысый. – Ну, а людей, зверьё, летающих и плавающих тварей куда бы ты дел? Утопил что ли?

– Я бы их сначала расчехлил, а затем вернул на чистую планету.

– Как это расчехлил? – Снова очнулся Абрек.

– Да очень просто. Освободил бы их души от их тел. Тела опять смешал бы с сырой глиной и весь такой грязный мусор, оставшийся после помывки Земли, перемешал бы в одно круглое месиво и отправил на орбиту. Типа вторая Луна. Это ведь красиво и необычно – две луны на небе. Пусть там обе кружатся, как запасной стройматериал. И на земле никакого мусора и лишних предметов.

– Погоди, Данила. Сразу куча вопросов к тебе. – Лысый почесал блестящий бритый затылок и продолжил. – Как это освободил людей от тел и всю живность? А, думаешь, им это не больно и не жестоко?

– Ну, если я Бог, то сумею, видимо, сделать это не больно для них, ведь верно? И считаю, что это абсолютно не жестоко. Потому что все страдания, вся людская боль и вся глупость на планете происходит именно от человеческих тел. От жадности, похоти, корысти и гордыни. А душам нечем гордиться. Души радоваться должны.

– Ну допустим. А как эти твои души без тел размножаться будут? Почкованием, икринки откладывать, саженцами расти или от Святого Духа плодиться? – Лысый явно заинтересовывался планом Романова всё больше и уже жаждал понять всё в мельчайших подробностях, до тонкостей, чтобы дойти до самой сути.

– А зачем? Вот скажи, Серёга, зачем им размножаться? Их ведь итак очень много. Если вернуть на планету все души, которые только тем и занимались в своих телах, что размножались десятки тысяч лет, то разве их мало? Да даже на другие пригодные планеты расселить хватит.

– Ну ты загнул! – Абрек недоверчиво посмотрел сначала на Лысого, потом перевёл взгляд на Романова, который оставался всё таким же задумчиво-спокойным и без тени сомнения. –

Всех вернуть? Умерших вернуть, из рая и ада вернуть? И поселить снова на Землю?! Я бы тогда смог увидеть своего деда и даже прадеда! Здорово!

– Да. Именно так. Вот смотри, Руслан, что хочет любая душа? Радости и покоя! Верно? А что хочет тело? Не болеть, не страдать, вкусно жрать, почаще размножаться, весело развлекаться, и всего этого побольше-побольше. И чтобы получше, поярче, покрасивей, чем у других. Чтобы своё богатство с другими сравнивать, гордиться и хвалиться. Верно?

– Я думаю, не всякая душа хочет только жрать, трахаться и кайфовать. Есть люди и поумней, и подорей, и почище. – С сомнением в голосе, даже как-то слегка обиженно ответил Лысый.

Абрек снова начал внимательно изучать ногти своих нижних конечностей. Но по его по-детски широко распахнутым глазам всё-таки было заметно, что сегодняшний разговор интересен ему всерьёз.

– Серый! Ты не внимательно меня слушал. Я говорил о телах, а не о душах. Душа не хочет размножаться, жрать и кайфовать. Любая душа хочет радостной тишины, сладкого покоя лично для себя и ещё она очень хочет, чтобы все остальные души тоже жили в радости и любви. Душа любого существа не хочет бояться, страдать, болеть и терять. А тело всегда чего то хочет, ждёт перемен, одобрения, жаждет внимания и денег, ему всегда всего мало.

– По твоему, Данила, когда все будут спокойны, довольны и счастливы, не будет войн, преступлений, убийств и всякой такой гадости, которой сейчас переполнен весь мир? – Абрек оторвался от увлекательного разглядывания зарослей курчавых волос на своих ногах и вопросительно посмотрел на Романова.

– Я думаю, да. Делить и грабить нечего, да и незачем. Все довольны, здоровы. Еды хватает, бороться друг с другом за обладание властью, вещами и удобствами нет ни смысла, ни необходимости.

– Чистая утопия! – Заключил Лысый, безнадежно махнув рукой. – Мы это уже проходили. Братство, равенство, коммунизм. Не жизнеспособная модель. Всё равно найдётся гнида, которой захочется побольше, чем у других, покрасивей, потолще и пожирней. Ну вот, например, еда и климат. Все захотят жить в тепле, у моря, без зим, ветров и холодов. Жить сытно и подальше от соседей. А хватит на всех красивых и тёплых мест с обилием халявной еды, тепла и света? Или души тоже работать будут должны за метры жилья и кусок хлеба?

– Серёга! Ты опять забыл. Я ведь Бог! Разве я что-то не могу? Я могу всё! – Романов как-то по доброму, простодушно улыбнулся. – Зачем душе работать? Зачем душе кусок хлеба? Зачем душе квадратные метры жилья?

Душа питается добром и светом. Радостью и музыкой тишины. Шелестом листьев, ароматами цветов и бульканием звонкого ручья. Тёплым ветерком и чистой родственной любовью к таким же душам. Вот питание души. И, к тому же, не все души любят постоянное тепло и жизнь у спокойного моря. Кто-то любит и горы, и луга, и снежные зимы. Ведь нет ни одной похожей души. Все разные. В этом разнообразии и есть главный кайф. Природа тоже везде разная.

Вот только при отмыывании планеты от грязи человеческих построек и безумных изобретений нужно будет хорошенько избавиться от всех заборов, границ, перегородок, от всего оружия, от всех машин и механизмов. От всей многолетней застарелой гадости типа телефонов, телевизоров, компьютеров, вонючих автомашин, поездов, самолётов, дорог, нефтяных труб и угольных шахт. От всех электростанций и космодромов. В новом мире этот весь хлам ни к чему.

Абрек и Лысый замороженно притихли, а Романов невозмутимо продолжал:

– Всё, что я перечислил, как грязь, нечистоты и отбросы – душам больше для жизни не пригодится. Для счастья вполне достаточно самое необходимое и естественное – Свет, Добро, Любовь. Это одновременно и питание, и чистая естественная среда обитания, и необходимые условия для вечного и радостного бытия.

– Теперь о животных, рыбах, насекомых, растениях и других тварных созданиях. Их новое питание тоже исключит поедание себе подобных. Света, Тепла, Добра и Любви в изобилии хватит на всех. Тигр не будет рвать на куски антилопу, чтобы прокормить себя и своих сородичей. Волкам не нужно будет пить тёплую кровь несчастной жертвы, чтобы насытить себя и свою стаю. Бывшие хищники перестанут быть опасными для других. Бывшим травоядным тоже не нужно будет поедать живые растения, траву, объедать кору деревьев, чтобы выжить. Повторяю, Света хватит на всех.

– Но перед этим всем, – увлечённо, всё больше разгораясь, продолжал Романов. – Я полностью обновлю все водоёмы, наполню их свежей, чистой водой. Поменяю заново атмосферу и озоновый слой. Выгоревшие и вырубленные леса вновь оживут и будут радовать взгляды всех живых существ. И обновлять кислородный запас планеты.

Жадный острый ум ученых я поменяю им на глубокую мудрость породнившихся любящих душ. Все открытия учёных умников всегда приводили только к одному. Изобретения попадали в руки агрессивных политиканов и военных. Любое новое научное открытие приводило к строительству новых планов массовых убийств. Это не мудрость, это тупость и жадность.

– А что?! Мне нравится! План нового Бога Данилы Романова предлагаю утвердить. – Лысый комично закинул обе руки за голову и сладко потянулся. – Абрек, чего молчишь?

– И мне нравится. – Сухо ответил Руслан. – Только, как на это посмотрят санитары?

Пара плохо побритых мужиков в мятых белых халатах, будто телепатически услышав через стены свои должности, вошли из коридора в палату, где на кроватях мирно расположилась троица, и направились прямо к ним.

– Ну! Что вы тут опять затеаете, идиоты? – С мрачным подозрением спросил ещё не похмельный с утра старший смены санитаров. – Строите планы по захвату мирового господства? Или чифирь гоняете втихаря?

– Да что Вы, Семён Михалыч? Просто тихо беседуем в ожидании плановых процедур. – Заискивающе осклабился Лысый. – Чая нет, курева нет. Одна последняя радость – дружеская беседа с товарищами.

– Смотрите тут у меня! – Уже спокойно и беззлобно пригрозил старший смены. Санитары развернулись и вышли из палаты.

– Данила. А как думаешь? Твой план может когда-нибудь реально осуществиться? Вот я, если честно, не вижу в нём ни одного подвоха или ошибки. Всё чётко и без осечек. – Лысый опять в предвкушении потёр ладони.

– А нечего и думать. Он уже начал осуществляться. Всё абсолютно реально. Без подвохов и осечек. – Уверенно ответил Романов, проводив равнодушным взглядом спины ушедших санитаров.

– Как это начал? – Абрек повернул голову к говорившему и удивлённо отвесил нижнюю губу.

– Да вот так! Начал и всё. Скоро, уже совсем скоро последняя баня планеты. Всё будет сметено, уничтожено и построено заново. Люди это называют Конец Света. А я это называю Конец Тьмы. Человечество за решётками наших больничных окон само к этому идёт. И иного выхода нет.

– Слушай, Данила! Так это получается – люди сами исполняют этот план Бога? Не понимая даже, что все будут лишены тел и будут жить в новом, правильном мире?

– Лысый! Не только люди – а вообще все и всё следует плану Бога. Даже, когда это всем кажется ужасным концом. Только мало кто это понимает. Вот, например, расскажу я этот план нашим санитарам или даже умным врачам. И что будет? Мне выпишут болючие снотворные уколы. Или направят на часок погостить в буйное отделение на электрошок. Потом трое суток буду спать и гадить под себя во сне. А вы – меня мыть и проклинать. А, когда проснусь, то никаких планов в моей башке уже не останется. Поэтому лучше говорить потише, не привлекая внимание лишних ушей. Сидим, осторожненько мирно беседуем и ждём свою баланду на обед.

Двое товарищей и «Мудрый Бог» умолкли. В коридоре привычно надрывался телевизор, в дальней палате изолятора кто-то истерично орал в бреду, накрепко привязанный к койке. В закрытом отделении хронической психиатрии спёртый воздух затхло вонял мочой и лекарствами.

А за решётками больничных окон на поседевшую старушку-землю крупными хлопьями опускался пушистый, девственно чистый, белый-белый снег.

«АVI» январь 2017.

Одинокое сердце стучит

Рассказ

Открываю вчера свою почту. Смотрю, письмо. Оказывается, от читателя моего. Пишет, мол, АВИ, а вы никогда не пробовали писать о живой природе, о её загадках и парадоксах?

Задумался я. Перебрал в уме все свои литературные сочинения... И правда! Ни разу не написал ни слова о живностях разнообразных, зверушках, рыбкинках... Ну, за исключением, одной новеллы о похоронах кота...

Вот, шёл сегодня по осеннему городу с рынка, радостно задумчивый такой. Нёс в руках новую пижаму в синюю клеточку. Обдумывал письмо читателя своего. И вдруг, совершенно неожиданно, как оно всегда и бывает, родился сам собой сюжет рассказика. В новом для меня жанре.

О неразгаданных тайнах жизни, о рыбьем сердце. Живом и одиноким...

Было это давно. Мне 12 годков. Судьба забросила меня пожить парочку юных счастливых лет в казахстанский городок Приозёрск. Городишко на берегу озера Балхаш.

Жили мы с матушкой с гостинице, в маленькой комнатке для командированных специалистов советской оборонки. Городок военный, в основном населяли офицерские семьи, ну ещё совсем немного гражданских специалистов. Плюс обслуга (продавцы, медики, учителя и т.п.)

Если выйти за пределы городка, то сразу простирается пустыня-степь, высохшая кусками глина, вся в трещинах от палящего солнца. Куст-трава перекаати-поле шарами по ветру носится. Скорпионы, змеи ползают, да редкие казахстанские дикие тюльпаны алеют.

А ещё озеро. Да непростое озерко то. Наполовину солёное, наполовину пресное. Балхаш-озеро огромное. Наш городок стоял, где пресноводье.

Там купались летом с одноклассниками, и зимой на коньках катались, в хоккее играли, и на рыбалку круглый год ходили. Мороз в январе хоть и не крепкий, и ветра сильного нет, но лёд мощный, толстый.

И вот, что интересно, лёд на Балхаше настолько прозрачный. Прямо чистое стекло, слегка зеленоватое.

Однажды, в выходной, собрал я зимние удочки, маленькую скамеечку прихватил, бур для сверления ледяной лунки, бутербродики и термос с чаем в дорогу. И отправился на рыбалку. Идти совсем недалеко. Всего то километра полтора от дома.

Пришёл на берег и дальше топаю по прозрачному льду. Метров сто от берега отошёл. И всё под ноги себе смотрю. А во льду и подо льдом царство волшебное, сказочное. То рыбина вмёрзла в глубине, то водоросли так изящно расположились, как на картине фантастической. Красотища!!!

Вдруг вижу большую тушу сайгака. Это такая казахская антилопа или дикий козёл местный. Глаза открыты. Морда во льду, прямо подо мной. А смотрит, как живой. Видимо утонул сайгак. Да так и остался зимовать в застывшем льду, как на витрине природной. Постоял, поудивлялся, полюбовался и потопал лунку для рыбалки сверлить.

Пока крутил коловоротом себе лунку не только согрелся, но и вспотел весь. Лёд, наверное, сантиметров 30 или больше. Не помню уж теперь.

Ну, минут за двадцать добрался до воды. Уселся на табуреточку свою. Похлебал чаю. Начал снасти настраивать.

Сижу, дёргаю плавными рывками леску. Жду поклёвку. Вокруг тишина, куда ни глянь ровная озёрная гладь льда. Только вдалеке дымок от труб городка поднимается. Солнца нет, ветра нет, белое безмолвие и покой.

И самое прекрасное, что мыслей тоже нет. Никаких. Слияние с природой и тишина в голове. Я это состояние даже больше люблю, чем рыбу вытаскивать.

Белое безмолвие озёрной глади

И вот, первая поклёвка...

Первым попался судачок. Приятно хищника тащить. Сопrotивляется рыбинка, упирается. Дёргается из стороны в сторону. Нужно плавно его вести. Иначе сорвётся, и поминай, как звали.

Вот и морда его глазастая, недовольная показалась в лунке. Цепляю стальным крючком за жабры, и он мой. Осторожно, не причиняя боли рыбе, освобождаю пасть от крючка. Кладу на лёд рядом с собой. Хищник изгибается, будто ёжится от мороза, несколько раз дёргается, хватая жабрами воздух и замирает. Уснул первоходок. Опускаю леску в лунку, опять кружка чая и жду.

Как можно ярко и живо рассказать о радости юного рыбака? Это трудно словами передать. Трепет ожидания и азарт, надежда и восторг охотника. Тишина природы, покой и знание, что в озере подо мной кипит жизнь. Это на поверхности только белое безмолвие льда. А в глубине продолжается, кипит невидимая мне жизнь. По своим природным вечным законам. И так чудесно это осознавать.

Опять поклёвка. Пальцы чувствуют дрожание живого существа, на другом конце лески. Подёргивания. Сначала скромные, осторожные, слабые. Затем уже резкие, настырные. Рыба попала и пытается сорваться с крючка.

Тяну. В слух шепчу себе – интересно, кто там?!!!

Тащу рыбку к себе, она тянет к себе. Сорвётся – значит, она победила, вырвалась, значит, спаслась. Даю ей слабину, слегка приотпускаю леску, подсекаю и тяну снова. Сколько уже раз так у меня было, вытаскивал на крючке лишь оторванную губу или кусочек жабр или плавника.

Да вот он. Ещё один судачок. Побольше первого. Глядит на меня не мигая, и не понимая, как попался. Прыткий парнишка, однако. На лёд его. Пусть отдохнёт и поспит маленько. Подёргался и тоже уснул.

От азарта и удачной рыбалки захотелось есть. Достают бутерброды. Какие же они вкусные кажутся на природе. Гораздо вкусней, чем дома. Чай парит на морозе, кружка согревает озябшие руки. Улыбаюсь и с гордостью люблюсь уловом. Господин Балхаш сегодня не скупится на добычу.

Собираю с поверхности воды ледяную крошку. Снова опускаю леску в лунку. Полчаса. Час. Полтора. Ни единой поклёвки. Некоторые рыбаки в этом случае начинают менять места. Пробуют бурить новые лунки, перемещаться по льду. Я просто сижу и жду. Подмораживает.

Мои судачки уснули на морозе и превратились в ледяные поленья. Окаменели. Скоро и я начну подмерзать.

Вдруг леска в моих чутких пальцах заскользила вниз. Притормаживаю её движение. Прислушиваюсь. Рывков нет. Дёрганий нет. Вот. Опять пошла леска вниз. А теперь вот ослабла. Провисла. Кто же там, на крючке? Резкий рывок сгибает короткое удилище, припускаю, даю рыбе заглотить наживку поглубже. Есть!!!

Теперь тяну. Идёт плавно, но тяжело. На крючке что то посолидней моих первых судачков. И покрупнее, судя по напряжению и ходу лески. Только бы снасть не порвалась!

Тащу добычу всё уверенней, скоро, по моим подсчётам, должна показаться в лунке морда попавшейся живности. ОПППА!!! Голова появляется над поверхностью. САЗАН!!! Да такой громадный! Дружище семейства карповых! Смотрит на меня, словно ухмыляется – а, ну-ка достань! А вот достать то непросто. Экземплярчик не маленький. Моя лунка размером с обычный CD-диск. А морда сазана кажется побольше лунки. Как же достать то?

С двух сторон осторожно провожу крючки из жёсткой стальной проволоки. Завожу за жабры. Тяну вверх. Рыба безмолвно шевелит губами. Явно материт меня последними словами. Пускает пузыри из слизи, хочет, видимо, плюнуть мне в лицо. Туго продвигаясь, шкрябая жабрами, плавниками и жирным брюхом по стенкам лунки, упругое тело сазана медленно ползёт вверх. Уф, достал наконец то.

Вот он красавец!!! Большая изящная рыба с крупной, отливающей серебром и золотом чешуёй жадно хватает мощными жабрами морозный воздух, раздражённо шлёпает мокрым хвостом. На сегодня хватит. Нам с мамой больше и не надо. Раза на три хватит поужинать свежей рыбкой.

По времени порыбачил около четырёх часов. Сворачиваю снасти. Два полена мороженых судаков и притихший сазан в рюкзак. Табуретку в руки. Обратная дорога.

В гостинице у нас на этаже была общая кухня. Пара алюминиевых столов, пара электрических плит, несколько рукомойников. Когда кто-то готовит нечто ароматное и пахучее, об этом знает весь этаж. Мама сегодня на ужин собралась жарить рыбку. Пойманную мной.

Я доволен собой, горд, и наблюдаю, как матушка чистит улов. Судаков чистить сложнее. Чешуя у них помельче, чем у сазана, и прилегает к телу крепче. Пока рыбки мылись под краном с холодной водой, они ожили. Палец в рот им не клади, зубы у них острые. Цапнут – мало не покажется, и заживать рана долго будет.

Вот это парадокс. Как замёрзшие на морозе рыбные поленья могли ожить, теперь снова пытаются дышать жабрами, шлёпают хвостами и пускают пузыри из пасти? Чудо природы. Непонятно.

Но это ещё не всё. Когда мама выпотрошила внутренности у ожившего сазана, отрезала ему голову, положила кусочки рыбины на сковороду, я нашёл на столе ещё живое сердце сазана и отложил его в сторонку. Смочил тёплой водой. Оно БИЛОСЬ!

Чудо жизни состояло в том, что мы уже закончили ужинать кусочками рыбы с золотисто поджаренной корочкой. Понесли на кухню мыть посуду. А СЕРДЦЕ ЕЩЁ БЬЁТСЯ!!!

Именно бьётся. Размеренно, правильно, чётко соблюдая ритм. Не в агонии и не в конвульсивных судорогах. А так, как будто бы в теле живого существа. Интересно, что сама рыба уже давно пожарена, и вся съедена. А её сердце бьётся, как ни в чём ни бывало. Я смочил его тёплой водой и оно снова забилося сильнее.

Не знаю сколько часов оно бы ещё работало. Но пришли соседи и вытерли стол насухо, убрав с него весь мусор.

Я ещё в детстве где-то читал, что сигналы, задающие ритм сердцу, поступают из мозга. Так как же сердце одиноко бьётся вне тела? Как могли ожить, воскреснуть, замёрзшие 5 часов назад на льду рыбы? Как оживают после долгой зимы в промёрзшей до дна реке караси? Закапываются в песок и ил?

Но ведь мои-то судаки и сазан никуда не закапывались. Они задубели, одеревенели, умерли на льду, и вновь воскресли в воде умывальника. Кто управляет всеми этими воскрешениями и жизнью этого, одиноко лежащего на столе, бьющегося сердца???

С той поры минуло более 40 лет. Но и сейчас, вспоминая моё детство и юность, мне становится интересно. Как устроен наш живой мир. Как, по какой программе оживают весной деревья и травы? Как и по какой программе одни люди встречают своих единственных любимых, а другие их теряют?!

Одно я знаю точно. Этот мир придуман не людьми. А люди склонны лишь пользоваться придумками Создателя, Творца. Всё больше становясь одинокими, бьющимися в безмолвии, сердцами. Как одиноко умирающее рыбье сердце сазана на алюминиевом столе.

Подарок к празднику Рассказ

Алексей прижал машину к обочине, остановился. Глушить двигатель не стал. Меньше всего сейчас хотелось тишины. Пусть уж лучше урчит мотор, всё-таки хоть не так уныло...

Вечерняя трасса почти пуста. Почти полночь. Светофоры разноцветно помигивают лишь по приказу, а не по необходимости. Скоро и они перейдут только на жёлтый. Ни пешеходов, ни машин. Наступает зимняя ночь...

Алексей опустил стекло, закурил. Морозный воздух перетекает в салон слишком медленно, чтобы мог остудить тревожную голову. Далёкий спальный район, окна высотных жилых домов, подсвеченные кое-где мелькающими гирляндами. Прохожих тоже почти нет.

Все давно уже дома. За праздничными семейными столами. Наряженные, в приподнятом настроении. Мужчины чисто выбриты, торжественны и ещё трезвы, женщины, очаровательно помолодевшие, оживлены и надушены. Старый Год уже успели проводить. Немного выпили, слегка закусили. Повеселели в предвкушении.

Главное застолье и празднование ещё впереди. Бенгальские огни наготове, свечи зажжены. Присели отдохнуть от предпраздничной гонки по магазинам и приготовлений на стол.

Ёлка в углу сверкает, искрится, дети от неё в восторге и в ожидании чудес. Телевизор работает. Последние мгновения уходящего года. Через пару минут обязательное поздравление президента, затем куранты, перезвон бокалов. И начнётся Новый Год.

Потом всё, как положено по уставу. Подарки, выпивка, закуска, пора нести горячее, а детей спать, телепередачи, выпивка, закуска, чай, торт, сон и длинные праздничные выходные. Всё, как у людей. Всё, как всегда.

– Надо решиться. Чё как трус то? – Растормашиваясь от невесёлых мыслей, высказал сам себе вполголоса Алексей. – Давай скорей набирай номер, чувак, и поздравляй!

Сердце противно гремит за рёбрами, бешено колотится, сволочь. Нервы звенят в ушах, вот-вот дзынькнут и лопнут. И так всегда перед звонком любимой.

Тем более, что у неё сейчас все дома. Они счастливые, они рядом с ней. Они вдыхают её аромат, видят её нарядную, счастливую. Слышат её чудесный голос и смех.

– А я, влюблённое ничтожество... Опять один в машине, один в праздник. Законченный кретин на далёкой окраине города. Какого чёрта тебя занесло сюда, Алексей? От кого бежишь, идиот? От себя? От неё? Бесплезно!!! Дома не найдёшь покоя? Это правда. Не найдёшь. Особенно в этот, любимый когда-то с детства, мандариново-хвойный праздник. А теперь ставший таким ненавистным. Потому, что её нет рядом. Потому, что она не с тобой.

Пятнадцать минут до Нового Года.

– Здравствуй, милая! С праздником тебя и твою семью! Счастья, здоровья, денег, любви... – Каким-то не своим, вялым и фальшиво-приторным голосом говорит в трубку Алексей. Старается казаться приподнято-весёлым. Но она всё отлично чувствует без слов и давно знает его насквозь. – Тебе сейчас удобно отвечать или муж рядом?

– Здравствуй, Алексей! Спасибо за поздравление. Подожди секунду, выйду на кухню. – Родной, милый, любимый голос ровен, спокоен, даже почти равнодушен.

Сердце сейчас выпрыгнет и разорвётся на куски, на мелкие горящие тряпочки. – Ты опять в машине, почему не дома? Нравится встречать праздник в одиночестве?

Теперь голос из трубки явно становится язвительно-насмешливым, при этом не теряя ноток равнодушия. Или это только кажется?!

В телефоне почти отчётливо послышались бодрые голоса взрослых и счастливый писк детей. Это больно скребёт по сердцу, но приходится проглотить насмешку.

– Да. В машине. Не хочется домой. Но скоро поеду туда, мать ждёт. Стол накрыла, может соседи поздравить зайдут. Там ещё тяжелей. Ты ведь знаешь... Когда тебя нет рядом, везде одиноко. Приеду, поем и лягу спать. Уж лучше не портить настроение другим. Мой настоящий, единственно дорогой подарок это ты. Я тебе тоже свой подарок через твою подругу передал. Она сейчас вручит. Вроде бы вы собирались встречать праздник вместе.

– Да. Гости уже пришли. Спасибо, но с подарком ты зря. Я всё равно не могу его принять. Ты не подумал об этом заранее. Она вернёт тебе его, хоть завтра...

– Почему? Ты никак не можешь тихо принять мой подарок? Муж даже и не догадается от кого. Я же предупредил подругу.

– Не в этом дело, Алексей. Давай оставим наши отношения в старом году. Сейчас самое лучшее время, чтобы расстаться. Не будем тащить это в Новый Год. Нет смысла продолжать то, что не имеет будущего...

Жуткий холод этих страшных, ледяных, мёртвых, но всё-таки, уже давно ожидаемых слов не морозит, а невыносимо обжигает своим пакостным равнодушием, мерзким спокойствием и идеальной правильностью.

Сиденье водителя вместе с обмякшим телом Алексея медленно и бесшумно проваливается в зияющую бездонную пропасть, в чёрную дыру, сквозь днище машины, сквозь асфальт, сквозь мёрзлую землю, прямо в крошечную адскую пустоту. Стылый мрак и пустота...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.